
DOI 10.15826/qr.2016.2.163

УДК 94(100)"1939/45"+94(470)"1941/1945"+325.2:82-94

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЛИТЕРАТУРНОМ ВОСПРИЯТИИ ТРЕХ ВОЛН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Памяти Н. Л. Лейдермана

Юлия Матвеева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

WORLD WAR II IN THE LITERARY PERCEPTION OF THREE WAVES OF RUSSIAN EMIGRATION*

In Memory of N. L. Leiderman

Yulia Matveeva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article considers the theme of World War II through the literary and artistic prism of the three waves of Russian emigration as a special area of ideological and philosophical differences. The author analyzes artistic and documentary texts by G. Gazdanov, V. Varshavsky, V. Andreev (the first wave of Russian emigration), B. Shiryaev, L. Rzhevsky, G. Andreev (Khomyakov), I. Yelagin (the second wave of emigration), G. Vladimov, A. Zinoviev (the third wave). The author reconstructs the multidimensional and ambiguous perception of war, characteristic of the representatives of different periods of emigration: patriotic, antifascist, collaborationist, philosophical, critical and patriotic at the same time. In every writer's works the theme of war is considered in relation to their personal destiny and world outlook. The material in the article is structured according to the principle of historical chronology (the first wave, the second, and the third wave), however, the analysis of individual works focuses on a certain and quite individual viewpoint. The juxtaposition and comparison

---

* Citation: Matveeva, Yu. (2016). World War II in the Literary Perception of Three Waves of Russian Emigration. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 2, p. 137–158. DOI 10.15826/qr.2016.2.163.

Цитирование: Matveeva Yu. World War II in the Literary Perception of Three Waves of Russian Emigration // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 2. P. 137–158. DOI 10.15826/qr.2016.2.163 / Матвеева Ю. Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 2. С. 137–158. DOI 10.15826/qr.2016.2.163.

of these viewpoints gives an idea about the controversy over World War II, reflecting political and moral, ethical and even existential attitudes of émigré writers.

Keywords: World War II; Great Patriotic War; three waves of Russian emigration; literature on the Great Patriotic War.

Образ Второй мировой войны рассматривается в литературно-художественном преломлении трех волн русской эмиграции как особая зона напряженных идейно-философских расхождений. Анализируются художественные и документальные тексты, созданные Г. Газдановым, В. Варшавским, В. Андреевым (первая волна русской эмиграции), Б. Ширяевым, Л. Ржевским, Г. Андреевым (Хомяковым), И. Елагиным (вторая волна эмиграции), Г. Владимовым, А. Зиновьевым (третья волна). Воссоздается объемное и неоднозначное видение войны, свойственное представителям разных периодов эмиграции: патриотическое, антифашистское, коллаборационистское, общеполитическое, критическое и патриотическое одновременно. В творчестве каждого писателя тема войны рассматривается в соотношении с его личной судьбой и мировоззренческими позициями. Материал статьи выстроен по принципу исторической хронологии (первая волна, затем вторая и третья), однако анализ произведений конкретных авторов акцентирует определенную и вполне индивидуальную точку зрения. Соположение и сопоставление этих точек зрения дает представление о межэмигрантской полемике вокруг Второй мировой войны, максимально раскрывающей как политические, так и морально-этические и даже экзистенциальные установки писателей-эмигрантов.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; три волны русской эмиграции; литература о Великой Отечественной войне.

Тема Великой Отечественной войны, пронизывающая советскую и постсоветскую культуру, буквально на наших глазах начинает прорастать в современность. Оглядываясь на опыт «военной» литературы – наиважнейший аккумулятор истории и человеческой экзистенциальной памяти, необходимо обратиться к тому материалу и к тем литературным свидетельствам, которые могут приоткрыть иную сторону войны, донести непривычное для нас ее видение.

Именно такой взгляд содержит русская литература зарубежья, где тема войны стала зоной идейно-философского пересечения и полемики всех трех волн русской эмиграции – узловым, центральным в хронологии XX в. событием, скрепившим и в то же время отчетливо противопоставившим эти три волны друг другу. Попробуем более подробно рассмотреть, как именно запечатлелась Вторая мировая война в литературном наследии оторванного от России русскоязычного эмигрантского сообщества, которое на протяжении всего

XX столетия создавало альтернативное видение советской истории, политики и жизни, объективируя тем самым многие неоднозначные явления, события и факты нашего привычного бытия.

Самая масштабная – *первая, или «белая» эмиграция*. Мемуаристы первой волны называют 1939 (или еще 1940) год годом раскола русского эмигрантского сообщества, когда по разные стороны баррикад оказались многие представители русской диаспоры: генералы А. И. Деникин и П. Н. Краснов, артисты А. Вертинский и С. Лифарь, писатели И. С. Шмелев и И. А. Бунин, Д. С. Мережковский и М. А. Осоргин¹. И все-таки подавляющее большинство русских изначально заняло антигитлеровскую позицию еще тогда, когда Сталин и Гитлер считались союзниками. В 1939 г. всем иностранцам во Франции было предложено подписать Декларацию о верности Республике, что означало, по сути, одно – взять обязательство сражаться во французской армии, и ее подписали с величайшей готовностью и энтузиазмом многие русские. Добровольно записывались во французскую армию младороссы, представители Русского студенческого христианского движения, члены общества «Круг», представители русского литературного Монпарнаса².

Поведению очень значительной части русской эмигрантской интеллигенции было в это время чрезвычайно свойственно жертвенно-героическое начало. Воплощением его стали судьбы И. И. Фондаминского и Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, священника Д. Клепинина, княгини В. Оболенской. В возрасте 45 лет записался добровольцем во французскую армию поэт и критик Г. В. Адамович, солдатами французской армии стали Владимир Варшавский, Николай Оцуп, Борис Вильде, Александр Бахрах; оставили свой бельгийский дом, чтобы защищать Францию, Зинаида Шаховская и ее муж Сергей Малевский-Малевич. В декабре 1940 г. начали выпускать газету с названием *Résistance* сотрудники парижского Музея человека Борис Вильде и Анатолий Левицкий, расстрелянные за это в феврале 1942 г.; участниками движения Сопrotивления стали Вадим Андреев, Гайто Газданов, Игорь Кривошеин, Юрий Софиев, погибли, сражаясь в его рядах, Алексей Дураков, Вера Оболенская (Вики), Ариадна Скрябина и многие другие.

Из этого перечня видно, что активное участие в войне приняли в основном представители так называемого молодого поколения белой русской эмиграции – те, кто практически всю жизнь воевали: кто-то был еще участником Первой мировой, очень многие – Гражданской. В одном из своих лирических стихотворений 1939 г. Ю. Софиев, предчувствуя новые испытания, точно воспроизвел судьбу свою и своего поколения:

---

¹ О разделении первой русской эмиграции в предвоенные и военные годы см.: [Gorboff]. Об участии русских эмигрантов, и в том числе писателей Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, В. Варшавского во Второй мировой войне см.: [Ежегодник Дома русского зарубежья – 2014/2015].

² См. об этом: [Варшавский, 1956].

Так все закончилось войною.
 Безликий, беспощадный рок
 Подводит черною чертою
 Двадцатилетию итог...
 <...>

И снова трудным испытаньем
 Встают еще слепые дни.
 Бедой, разлукой и скитаньем
 Грозят мне сызнова они
 [Софиев, с. 55].

В истории русской словесности XX в. предназначением «младшего» поколения эмиграции стало создание собственного варианта «литературы свидетельства», наиболее адекватной и наиболее естественной для жизненного опыта авторов. В эту парадигму вписывается³ и оставленная ими литература о Второй мировой войне⁴.

Все эти тексты воспроизводят совершенно специфический угол зрения русских патриотов-европейцев, которые впервые за много лет получили возможность встать в полный рост, по-настоящему проявить себя, выразить действием благодарность приютившей их Франции и в то же время граждански консолидироваться после долгих лет разлуки со своей исторической родиной. Подтверждением могут служить повести В. Варшавского «Семь лет» и В. Андреева «Дикое поле», разыгрывающие один и тот же сюжет: русский эмигрант, давно потерявший почву под ногами, с началом войны после увольнения с предприятия, бомбежек, эвакуации (В. Андреев), после зачисления в ряды французской армии (В. Варшавский) впервые обретает смысл существования, наполняется силой и энергией жизни [Варшавский, 1950; В. Андреев, 1967]⁵.

И первая, и вторая повесть выстроены вокруг судьбы главного героя – объективированного в тексте, но явно автобиографического персонажа. У Варшавского это Владимир Васильевич Гуськов, «в Париже неприкаянный иностранец», у Андреева – Павел Николаевич

³ Вписывается буквально, в том же самом смысле, в котором Ж. Дюамель назвал «литературой свидетельства» свои документальные книги очерков о Первой мировой («Жизнь мучеников» и «Цивилизация»).

⁴ Наиболее яркие и непосредственно войне посвященные тексты: вышедшая на французском языке в 1946 г. документально-публицистическая книга Г. Газданова «Je m'engage a défendre», известная русскому читателю под названием «На французской земле»; шестая, кульминационная глава знаменитой книги В. Варшавского «Незамеченное поколение» (1956) и его же повесть «Семь лет» (1950); повесть В. Андреева «Дикое поле» (1967), фрагменты мемуарно-биографических, автобиографических и дневниковых текстов: «Дневник в стихах» Н. Оцуа; страницы трилогии Р. Гуля (часть вторая – «Россия во Франции»); третья книга мемуаров З. Шаховской («Безумная Клио»); опубликованные после войны дневники Б. Вильде.

⁵ О военной прозе В. Варшавского см. : [Васильева].

Осокин, учившийся и недоучившийся в Сорбонне, потерявший подданство своей страны и работающий десять лет на каучуковом заводе. Оба героя к моменту начала войны находятся в духовном упадке, жизненном тупике. Но вот Гуськов идет защищать Францию, а Осокин оказывается в потоке парижских беженцев – с этого момента начинается их подлинная жизнь. Герой Варшавского, преодолев ужас убийств и потерь, становится настоящим солдатом, попадает в плен, проходит школу тюрем и лагерей. Герой Андреева удочеряет осиротевшую после бомбежки девочку Лизу, поселяется с ней на острове Олерон в городе Сен-Дени, знакомится с советскими пленными, совместно с французами участвует в многочисленных акциях Сопротивления.

Максимальной выразительности антифашистский пафос русской эмиграции достиг в двух совершенно разных, но одинаково мастерски написанных текстах – в книгах Г. Газданова «На французской земле» и В. Варшавского «Незамеченное поколение».

Документальное повествование «На французской земле» есть, по сути дела, литературно воплощенное желание рассказать современникам-французам, а с другой стороны, увековечить в русской истории то, что было для Газданова самым удивительным и непостижимым в этой войне – отчаянную героическую борьбу с немцами людей, которые были, казалось, почти уничтожены пленом и пытками, не знали ни языка, ни страны, где оказались, но несли в себе такую мощь сопротивления, такой «наивный и слепой героизм», что нельзя было не поверить в их «априорную непобедимость», а также в непобедимость их родины, которая «останавливала, как стена, в течение долгой ее истории все волны иностранных нашествий»⁶. Газданов – превосходный рассказчик, и все повествование представляет собой огромную мозаику, сложенную из различных историй, где проявляются те или иные качества его героев, советских партизан, высвечиваются их отношения с французами и с русскими эмигрантами. С точки зрения эстетической писатель создает своеобразную поэму в прозе, используя романтическую образность, энергию гиперболических обобщений, «крайние» и даже пафосные эпитеты, историко-культурные аналогии. При этом здесь есть и чудесно прописанные психологические портреты, и стремление дать собственную, часто иррациональную или идеальную интерпретацию поступкам и событиям, мягкая ирония и тонкая наблюдательность.

Книга В. Варшавского имеет несколько иную устремленность. В последней – «военной» – главе своего исследовательского эссе, посвященного судьбе «незамеченного поколения», Варшавский достигает кульминации в изображении основных мотивов нравственных и духовных исканий «сыновей» эмиграции. Война для них – прежде всего проверка на прочность. Проверка их идей, убеждений, совести. Не случайно эту главу предваряет эпиграф из Паскаля: «Я верю

⁶ Впервые под этим названием опубликована в журнале «Согласие» (1995. № 30; вступит. ст. Л. Диенеша). В тексте статьи цитируем по изданию: [Газданов].

только тем свидетелям, которые дали себя зарезать». Как и Газданов, Варшавский создает свою галерею героев, но героев-эмигрантов. И если Газданов рассказывает истории, каждая из которых могла бы стать отдельной новеллой, Варшавский выдерживает намеренно протокольный стиль: приводит свидетельства очевидцев, отрывки из документов, публикации «Информационного бюллетеня» Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления.

Есть в «военных» текстах русских эмигрантов и еще один момент, их безусловно скрепляющий, это момент рефлексии по поводу советского. Он есть абсолютно у всех – и у Г. Адамовича, и у Р. Гуля, и у З. Шаховской, и у В. Андреева, и у В. Варшавского.

Старается сохранить максимальную объективность по отношению к нежданно явившемуся в Европу советскому миру Г. Газданов. В советских партизанах видит он какую-то новую породу людей – со своими представлениями о мире, со своим дисциплинарным и бытовым укладом, со своими физическими особенностями, со своими интонациями голоса. Ни на миг Газданов не склоняется, как, например, В. Андреев, к тому, чтобы принять советскую идеологию, но пишет о советских людях с огромным сочувствием, интересом, восхищением. Советские партизаны и русские эмигранты у него не расходятся в главном: когда «речь идет о защите... родины против немцев», вопрос, «какая она – коммунистическая или некоммунистическая», на обсуждение не ставится [Газданов, с. 696].

Война и общее дело борьбы с фашизмом в газдановском повествовании выявляют главное в людях – их нравственный потенциал, который не зависит от идеологии. И среди эмигрантов, и среди советских есть коллаборационисты, но их меньшинство. В большинстве же случаев война объединяет именно нравственно чистых и мужественных людей – русских и французов, эмигрантов с двадцатилетним стажем европейской жизни и советских граждан, бежавших с принудительных работ или из лагерей. Все они становятся «боевыми товарищами», преодолевая былое отчуждение. Надо признать, что позиция первой русской эмиграции – в том виде, в каком она реконструируется по литературно-художественным источникам, – была безусловно патриотической по отношению к России, нравственно-гуманистической по духу и в общем антифашистской⁷. Другое отношение существовало, но никаких следов в литературной летописи от него не сохранилось.

Вторая волна эмиграции (эмиграция Ди-Пи) русских перемещенных лиц (*displaced person*) была рождена самой ситуацией

---

⁷ В качестве беспрецедентного факта литературной жизни эмиграции, подтверждающего патриотический поворот первой эмиграции в сторону Советской России, можно назвать вышедший в Шанхае в 1943 г. сборник советской военной поэзии «Поэты на фронте», куда вошли стихи П. Антокольского, Н. Асеева, А. Ахматовой, М. Бажана, Д. Бедного, Б. Пастернака, И. Сельвинского, М. Светлова, А. Сурикова, К. Симонова и других советских поэтов совершенно разного уровня дарования и разного мировоззренческого уклада. См.: [Поэты на фронте].

войны в России и, конечно, от войны неотделима ни в судьбах своих, ни в творчестве. В когорту писателей этой волны попадают и те, кто были сверстниками В. Ходасевича и Г. Адамовича – Д. Кленовский (Крачковский), Н. Нароков (Марченко), Б. Ширяев, и те, кто мог бы разделить участь «сыновой эмиграции» – Г. Андреев (Хомяков), Б. Нарциссов, Л. Ржевский (Суражевский), Б. Филиппов (Филистинский), В. Юрасов (Жабинский), и те, кто оказался ровесником революции – О. Анстей (Штейнберг), И. Елагин (Матвеев), Н. Моршен (Марченко), Т. Фесенко. Все они, несмотря на разный человеческий опыт и включенность в советскую действительность, в результате сложных жизненных перипетий оказались во время войны на оккупированных немцами территориях, выехали добровольно или были вывезены принудительно с лагерями военнопленных на Запад, где и остались навсегда.

Говоря о литературе, созданной второй волной эмиграции, Л. Ржевский в письме к В. Синкевич пишет почти афористическую для этого явления фразу: «...авторы “второй” эмигрантской волны очень, так сказать, не в “фокусе”», и это было и до сих пор остается более чем верно [цит. по: Синкевич, 2000, с. 5]. Действительно, вторая волна и литература, ею созданная, оказались самыми невозвращенными в российское пространство из-за вполне понятных и, по-видимому, неотменяемых причин – в первую очередь потому, что это наиболее антисоветская по своей направленности литература. В. Кравченко⁸ рассказал миру о советских лагерях в своей книге «Я избрал свободу» (1946) за 16 лет до «Одного дня Ивана Денисовича», а Н. Нароков в романе «Мнимые величины» и особенно в романе «Могу!» за 30 лет до «Ледокола» В. Суворова (Резуна) уравнивал две тоталитарных системы – нацистскую и коммунистическую – по их растлевающему воздействию на людей. Однако эта литература остается самой невозвращенной не только потому, что обратила нас к запрещенным ранее темам. Самой невозвращенной, самой неузнанной литература второй эмиграции остается, по-видимому, именно в связи с тем, что вся она (и судьбы авторов, и проблематика произведений) так или иначе замыкается на военном дискурсе – том поле смыслов, значений и оценок, которые связаны с Великой Отечественной войной. Конечно, литература эмигрантов военных лет поднимает малодоступные и табуированные для российских читателей факты: жизнь на оккупированных территориях, выдача в 1946 г. союзными властями бывших советских граждан, участь тех, кто оказался в рядах РОА, участие в войне русских эмигрантов – и это не может не быть интересно. Однако правда, которая за этими фактами стоит, оказывается совершенно неприемлемой для сознания русского читателя и разрушительной для самих литературных текстов.

---

⁸ В. Кравченко, как и Г. Климова, можно отнести ко второй эмигрантской волне лишь условно – их судьбы гораздо больше напоминают судьбы писателей-диссидентов 1970-х гг.

Если в литературе, созданной первой волной эмиграции, отчетливо доминирует позиция, сформулированная Г. Газдановым (когда «речь идет о защите... родины», вопрос, «какая она – коммунистическая или некоммунистическая» – на обсуждение не ставится), то для эмигрантов второй волны именно этот вопрос часто оказывался заглавным.

Обратимся к творчеству Бориса Ширяева, писателя, вернувшегося на родину в начале 1990-х гг. своей книгой «Неугасимая лампада» (М., 1991), посвященной Соловецкому лагерю особого назначения. Некоторые факты из жизни писателя сообщает автор предисловия к вышеупомянутой книге М. Г. Талалай, максимально же подробные сведения о Б. Ширяеве, как и о многих других авторах второй волны, дает в своей уникальной во многих отношениях книге «Писатели второй волны русской эмиграции: библиографические очерки» М. Е. Бабичева. Назовем основные вехи: потомственный дворянин, окончил Московский университет, потом – военную академию, воевал, во время Гражданской войны участвовал в белом движении, был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, где находился до 1927 г.; после был сослан в Среднюю Азию, жил в Ташкенте, затем в Россоши, с 1936 г. – в Ставрополе. Преподавал русскую литературу, сотрудничал в газетах. «Во время немецкой оккупации в 1942 г., – сообщает М. Бабичева, – стал первым редактором местной русской газеты. С отступающими немецкими войсками покинул родину...» [Бабичева, с. 374].

Даже это телеграфное перечисление основополагающих жизненных вех настраивает на то, что война, ее реальность, отношение к немецким оккупационным властям, дороги послевоенных скитаний по Европе занимают большое место в творчестве писателя. Это и автобиографическая книга «Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол» (1952), и повесть «Овечья лужа» (1953), и рассказы из сборника «Я – человек русский!» (1953), и незаконченная повесть «Хорунжий Вакуленко» (1959), однако наиболее концептуальной стала повесть «Кудеяров дуб», на которой и остановим наше внимание.

Герой повести – бывший дворянин и корнет царской армии, в советские времена преподаватель провинциального пединститута, а потом и вовсе учхозный сторож Всеволод Брянцев и его жена Ольга – радуются приходу немцев, мечтая о восстановлении России без большевиков. С этого момента начинается духовное возрождение главного героя: крестьяне делегируют его встречать и приветствовать немецкого офицера, бывшие сослуживцы выдвигают на пост редактора русской газеты, он возвращается в «культурных» немецких кругах, выступает с докладом «Россия и Германия» в других оккупированных городах. Когда же начинается наступление Красной армии, Брянцевы вместе с другими сотрудниками редакции благодаря хлопотам «культурнейшего» немца Шольте садятся в отъезжающий на Запад поезд.

Однако дело не только в развороте этого благостного и бесхитростного сюжета, но и в той картине мира, которую автор создает и в верности которой он пытается убедить читателя: все бывшие советские граждане откровенно ненавидят советскую власть, ненавидят настолько, что готовы полюбить немцев («Обращение немцев, – считают они, – вроде деликатное», «сообщения газет о зверствах и насилиях подтверждения не получают» [Ширяев, с. 44]). Крестьяне, бывшие учхозовцы, указывают немцам дорогу, предлагают «по стаканчику русской водки», выставляя для них на стол мед, сметану и сало, их дети следят за немецкой техникой «восхищенным взором», советской же армии все желают уйти подальше и не возвращаться. Эвакуироваться на самом деле мало кто хочет, все только и думают, как бы избежать эвакуации; бывшие коммунисты и комсомольцы добровольно идут в комендатуру искать для себя работу. Бывший директор школы становится начальником полиции, ловит подпольщиков, а доктор-еврей (!) соглашается возглавить при новой власти здравоохранение, ведь «медицина – вне политики». Зверства, которые действительно присутствуют на страницах повести, это лишь зверства НКВД: несколько раз вспоминаются брошенные в камеры с заключенными при отступлении советских войск мины, расстрел «своих» в балке за городом, зато виселица, сооруженная немцами прямо на базарной площади, пустует.

Как ни старается оправдать себя главный герой тем, что его грех – «Кудеяров» грех – «преодоление зла злом», что он, служа немцам, «служит России», «великой и неделимой», этот грех – предательство.

Остальные персонажи, которые мыслятся автором как настоящие герои новой борьбы за Россию, на поверку оказываются по ходу сюжета дезертирами и трусами, двурушниками, которые при немцах расправили плечи, вышли из подполья.

Неубедителен текст Ширяева и в художественном плане: герои плоские, ходульные, необходимые автору для иллюстрации и высказывания своих мыслей, сюжет, лишенный цельности, распадается на ряд эпизодов. Все вместе производит впечатление лубочное, неживое, неорганичное. Вот крошечный пример: Брянцев (речь идет о вкусном обеде) спрашивает жену: «Откуда такие деликатесы?» – «От свободы, дорогой, все от нее» [Там же, с. 78]. И ведь это при том, что Ширяев был настоящим хорошим прозаиком, создавшим «Неугасимую лампаду», трогательное повествование «Ди-Пи в Италии», целый ряд замечательно остроумных и замечательно литературных рассказов. Но любая неправда, любая нравственная кривизна, по-видимому, губительны для искусства в любом времени и пространстве.

Гораздо тоньше, психологичнее, глубже в художественной передаче человеческой реальности войны в своем романе «Между двух звезд» (1953) Леонид Ржевский (Суражевский)⁹. Как и Б. Ширяев,

⁹ Первый вариант романа вышел под названием «Девушка из бункера» (Грани. 1950. № 8, 9, 11). В России роман опубликован в 2000 г., см.: [Ржевский, 2000].

Ржевский идет по еще горячим следам собственного опыта и собственных переживаний, а это были опыт и переживания человека воевавшего, раненого, прошедшего концлагерь. Но военная история Ржевского тоже имеет свои сложные изгибы, которые и попытался передать на страницах романа писатель.

Главный герой романа Алексей Филатович Заряжский, филолог, преподаватель московского педагогического института, летом 1941 г. оказывается на фронте. Служит дивизионным переводчиком, помощником начальника разведки, исполняет свой гражданский долг честно, ответственно. После ранения оказывается в плену, а потом следуют этапы его драматической военной судьбы: попадает в лагерь, становится помощником русского коменданта лагеря – переводчиком, то есть вместе с этим самым комендантом Кожевниковым занимает промежуточное положение между немцами и советскими пленными. Он не предатель, не подлец, он, как и его напарник Кожевников, всячески желает помочь «своим» и действительно многим помогает, а кого-то просто спасает, в том числе и встреченную им на фронте девушку-медсестру Милицу Паншину. Благодаря своему положению он очень многое видит: и разных немцев, и разных русских, немецкий лагерный режим и бандитский садистический произвол лагерных полицаев из бывших своих же солдат. Вся первая часть романа – ад лагерного существования. Однако Заряжскому удается из этого ада вырваться – он заболевает тифом и в то время, как лагерь перемещается вглубь России, его оставляют умирать (или выздоравливать) в лазарете. Заряжский попадает на службу в немецкий отдел пропаганды в качестве режиссера концертной программы, создает группу «Карусель», с которой едет по следам перекочевавшего лагеря военнопленных в Старгород, надеясь встретить потерянную Милицу.

Вторая часть романа повествует о поисках Милицы, о встрече героев в старинном провинциальном русском городе, о том, как каждый из них видит, воспринимает и оценивает происходящее. Милица «решала все сердцем», поэтому в ее взгляде и суждениях совершенно естественно и органично сочетается осуждение как немцев, так и «своих», советских, когда их поступки лишены смысла или преступны. Партизаны, пускавшие под откос поезда со снарядами, были герои. Они защищали режим, разумеется, но прежде всего как патриоты. Степка же Буц, зарезавший немца, был просто ненормальный:

Гестапо, конечно, кошмар! Подумать страшно. Но... если бы вы знали, что у нас здесь в 1938 году делалось! Сколько арестов! Как мы дрожали все... [Ржевский, 2000, с. 231].

Что касается Заряжского, он, как и герой Б. Ширяева, пытается найти идейное основание своему коллаборационизму – осуждению

большевизма и тех зол, которые им вызваны, но, в отличие от Всеволода Брянцева, героя Б. Ширяева, сам же опровергает эти вполне, казалось бы, логичные аргументы. Можно было, как делали они с Духоборовым, блестяще скомбинировать ряд умозаключений, из которых выходило, что первопричина бедствия – большевизм, сам по себе бедствие из бедствий. Но чувство ужаса, обиды, ненависти, наконец, к разрушителям разве умещалось в какие-либо логические построения? Разве не обращалось прежде всего на этих самых разрушителей, не взывало: зуб за зуб! Кровь за кровь! Защищайся! Бей, а не мудрствуй! [Там же, с. 251].

В романе есть немало персонажей, уверенных в том, что при помощи Гитлера можно образовать «свободную Россию», что немцы – это что-то вроде «второго призвания варягов», что, в конце концов, освободительная армия встретится с Красной армией, и тогда их общие «штыки повернутся единым фронтом против угнетателей нашей родины» [Там же, с. 268]. Однако главный автобиографический герой романа страдает от своего раздвоения, от своей «мыслительной двойственности», понимает катастрофичность своего положения, и в этом, конечно, его сила. В этом и сила Ржевского как писателя, сумевшего одновременно отразить и неоднозначность реальности, и в то же время подлинный, почти «достоевский» ужас ложно понятого пути, ложно понятой идеи.

Близко знавшая Л. Ржевского В. Синкевич сказала о творчестве писателя: «В основном все его творчество можно назвать беседой с совестью» [Синкевич, 2000, с. 10], а посвященную Ржевскому статью для «Нового журнала» озаглавила, используя название статьи самого Ржевского о Булгакове, «Пилатов грех» [Синкевич, 1993]. И это верно. Особенно, быть может, по отношению к роману «Между двух звезд», герои которого и по своему географическому положению, и по своим верованиям и чаяниям находятся именно «между пятиконечной белой и пятиконечной же красной» звездами [Ржевский, 2000, с. 257]. Они вовсе не являются резонерами, не становятся трибуной самооправдания автора, скорее предстают отягощенными трагической виной, наделенными фатальной раздвоенностью Раскольникова, противостоящего самому себе.

Финал жизни этих героев неясен, но автор сочувствует им и, судя по своей личной судьбе, знает, что выход может быть найден. Порукой тому в художественном тексте становится любовь, которую обретает на самом дне бездны Заряжский и которая заставляет Володю Заботина (героя третьей части романа), дошедшего до края отчаяния, все-таки надеяться. В отличие от Б. Ширяева, Л. Ржевский и его главный автобиографический персонаж Заряжский осознают настоящую правду, которая страшна и однозначна («защищаться», а не «мудрствовать», иначе станешь предателем), но в том-то и дело, что финал романа при всей его неопределенности не трагичен, ибо герои Ржевского – не герои трагедии,

да и вообще не герои в пафосном смысле. Просто люди, которые, несмотря ни на что, хотят жить, хотят уцелеть. С обывательской точки зрения они правы, мы им готовы, как и автор, посочувствовать, но если оглянуться на весь арсенал нашей военной литературы с ее высоким градусом жертвенности и самоотречения, с ее психологической щепетильностью и пробирающим до самого дна души трагизмом, то разница налицо.

Знаменательно, что и за пределами художественного творчества у Ржевского не было тотального отрицания советской культуры вообще. Так, например, в своем трактате «Национальная культура и эмиграция» (1951), продолжая начатую белой эмиграцией тему «Там или здесь?», Ржевский призывает эмиграцию «отказаться от социологического лубка» [Ржевский, 1952, с. 16], от «посюсторонних мифов», утверждает, что подлинное творчество в Советской России по-прежнему есть, и люди там вовсе не коснеют в бездуховности и безбожии: «Здесь, в Германии... я такой жадности знать – причем бескорыстной, некоммерческой жадности – не встречал» [Там же, с. 13]; «именно сопротивление, борьба характеризует в первую очередь современное советское культурное бытие» [Там же, с. 22]. Ржевский вообще умел быть объективным и нестандартным в своих мнениях, понимать многие вещи с разных сторон. Этот анализ, этот гамлетизм в полной мере проявился и в его военном романе «Между двух звезд», предопределив его сильные и слабые стороны.

Ко второй волне относится творчество Геннадия Андреева (Хомякова), разделившего основную проблематику Б. Ширяева и Л. Ржевского. Как и Б. Ширяев, Г. Андреев отбывал свой лагерный срок в 1920-е гг. на Соловках и написал об этом книгу «Соловецкие острова. 1927–1929» (1950). Как Л. Ржевский, воевал в Красной армии, попал в керченских катакомбах в плен, скитался по концентрационным лагерям. Как и Л. Ржевский, какое-то время участвовал в редактировании «Нового журнала», был соредактором Р. Гуля, активно сотрудничал с такими радиостанциями, как «Голос Америки» и «Свобода». Собственную судьбу с ее обрывами и неожиданными поворотами Г. Андреев запечатлел в прозе, основной массив которой состоит из очерковых книг, последовательно отражающих этапы жизненного пути их автора: это «Соловецкие острова» (1950), «Трудные дороги» (1959), «На стыке двух эпох. Из воспоминаний» (1954). Военному опыту и военным воспоминаниям Г. Андреева посвящены очерки, которые печатались на протяжении четырех лет в «Новом журнале» под общим названием «Минометчики» (1975–1978) [Андреев, 1975–1978]¹⁰.

Вся долгая и очень нелегкая военная судьба Г. Андреева представлена в этих очерках: прибытие в запасной полк, распределение

¹⁰ Далее в тексте статьи очерки Г. Андреева будут цитироваться по этому изданию с указанием года и номера журнала в круглых скобках.

«в третью минометную» роту, фронт, оборона Керченского полуострова, подземелья Аджимушкая, плен, лагерь, «шпионская школа», снова лагерь, теперь уже в Норвегии, отправка в Берлин, особый лагерь под Берлином. Один только перечень этапов этой судьбы вызывает соучастие, интерес, удивление – как можно было все это пережить и что же все-таки увидел герой там, за кулисами военных действий, куда нельзя было заглядывать советским читателям, да и сегодня нечасто доводится заглядывать читателю российскому? В отличие от Б. Ширяева, Г. Андреев не является приверженцем национального или православного мифа. В отличие от Л. Ржевского, он прошел гораздо более долгую и основательную школу Красной армии, а потом и школу выживания в немецких концлагерях, поэтому его взгляд представляется более объективным, если, конечно, вести речь об объективности субъективного видения.

Разумеется, то, что мы узнаем из очерков Г. Андреева о быте и тактике Советской армии военного времени, не кажется сегодня необычным: грязь, холод, голод, отсутствие оружия и обмундирования в так называемых запасных полках, где происходило обучение и формирование военных подразделений; заградотряд, расстреливающий тех, кто рискнул самостоятельно перебраться через Керченский пролив; брошенные своим командованием «семь-восемь тысяч солдат» в каменоломнях Керчи; нелепые, безумные приказы политруков, посылающих людей на верную гибель, жуткое полудикое пребывание под землей, «мучительный разлад в сердцах и головах» измученных, но все-таки воюющих солдат – об этом или почти об этом мы уже знаем из поздней военной прозы писателей-фронтовиков, из многочисленных опубликованных дневников и мемуаров. В 70-е же гг. XX столетия даже по ту сторону советской границы это выглядело невероятной дерзостью – написать о худшем, что было на войне. Многие детали и сегодня коробят русского читателя. Скажем, везут пленных на морском военном транспорте в Норвегию, и автор описывает опасения немцев, которые боятся всего – и подводных лодок, и внезапных налетов, однако и лодки, и самолеты могут появиться только английские: «...советские к берегам Германии и Дании почти не отваживаются подходить, действуют английские. И самолеты могут налететь, тоже английские» (1978, № 131, с. 58). Можно обратиться к военной истории, узнать, как именно в каждый момент времени были поделены зоны контроля на море и в воздухе, но делать этого, читая «Минометчиков», не стоит – и так видно, что автор специально акцентирует моменты советского военного негатива: ни оружия, ни лодок, ни самолетов, ни еды, ни разумного командования.

И все-таки, говоря о себе и себе подобных, характеризуя их и свое душевное состояние, Г. Андреев констатирует: «Мы не были пораженцами: мы хотели поражения двух диктаторов, а не нашей страны. В этом был парадокс: могут ли потерпеть поражение лишь наши правители, без нас? Как отделиться от них, против них пойти?»

(1976, № 125, с. 106–107). Герой Андреева мучается неразрешимыми вопросами, борется за жизнь, попадая то в число отобранных для будущего «украинского правительства», то в число смертников, то в шпионскую школу, то в секретный лагерь, но это лишь новые этапы его злоключений. Советуя курсантам РОА беспринципно присягнуть Гитлеру, сам герой к ним не присоединяется, а продолжает свое «хождение по мукам». Несмотря на принципиальную разность идейных и нравственно-философских позиций, несмотря на разную степень художественной убедительности, прозаики второй эмигрантской волны, как и большинство представителей первой эмиграции, осмысляя тему Второй мировой, а для них, конечно же, Отечественной войны, решали для себя коренную, жизнеопределяющую задачу – как соотнести между собой любовь к России и ненависть к тоталитарному сталинскому режиму, с кем быть – говоря словами В. Варшавского, с «резистантами» или «коллаборантами». В. Варшавский и другие писатели первой эмиграции не сомневались, что быть «резистантами» – значит быть «не советскими, а русскими патриотами и патриотами человеческой правды» [Варшавский, 1956, с. 364], послевоенные расхождения – не в счет. Позиция второй волны иная.

И дело здесь не только в разнице жизненного опыта тех и других писателей-эмигрантов или в разнице их социально-политического статуса в конце войны. Речь идет о литературе – литературе, созданной эмигрантами второй волны, где антитоталитаристский пафос с его откровенной публицистической декларативностью откровенно доминирует над правдой искусства. Что касается советской словесности, общеизвестно, что в ней патриотический и гражданский пафос военной темы породил подлинно художественные, а значит, максимально убедительные, максимально правдивые формы выражения. Быть может, поэтому так называемая «советская» литература о войне (В. Астафьев, Г. Бакланов, В. Богомолов, Ю. Бондарев, В. Быков, Б. Васильев, К. Воробьев, В. Кондратьев, Е. Носов, К. Симонов и др.) кажется неизмеримо интереснее, глубже, серьезнее. В ней герои совершают сложнейший нравственный выбор, в ней тотально противоборствуют две стихии: человек и война, жизнь и смерть. Литература же второй эмигрантской волны – не о человеке, а о системе, что всегда оказывается схематичнее, однозначнее, более предсказуемо. Герой этой литературы свой выбор совершил заранее – он против системы и за себя.

В другом ключе представлена тема войны в творчестве поэта Ивана Елагина (Матвеева). Не воевавший и никогда не бывавший на фронте Елагин уехал в Европу из Киева в 1943-м, когда началось наступление советских войск. После всего, что он видел и знал в России, ему открылась еще и военная Европа – изуродованная, измененная, а потом – возрождаемая к новой жизни. Несмотря на то, что ни окопных, ни фронтовых, ни лагерных впечатлений в лирике Елагина, конечно, нет, с темой войны эта лирика накрепко связана, начиная

с первого сборника поэта «По дороге оттуда» и заканчивая поздней «Беженской поэмой». В ранних стихотворениях Елагина встает трагическая панорама охваченного войной мира:

Осунувшись, и сгорбься, и унизясь,
Дома толпятся по очередям,
И нищеты жестокий катехизис
Твердит зима базарным площадям.
А рядом бой. Полнеба задымил.
Он повествует нам высоким слогом
О родине. И трупы по дорогам
Напрасно дожидаются могил
[Елагин, 1998, т. 1, с. 97].

В более поздней лирике, в поэтических книгах, написанных и выпущенных в Америке, будет очевидно: глубинное состояние мира, которое постоянно воспроизводит лирический герой Елагина, это состояние войны. Нескончаемой и фатальной. Вспомним стихотворение «Наплыв», сюжет которого представляет собой взаимоналожение двух эпизодов: реально произошедшая с героем автокатастрофа под Чикаго и взрыв на ухабинах разбомбленных киевских дорог, по которым герой несколько десятилетий назад вез в госпиталь раненого солдата.

Память войны обусловила абсолютно пессимистическое, пантрагическое мироощущение поэта, который впереди человеческой истории видит лишь апокалипсис, причем апокалипсис рукотворный. Тютчевский последний катаклизм в елагинской лирике словно милитаризируется и посредством этого приближается, обретая конкретные сроки:

Смерть? Погибель? Конец? Неправда!
Кто упал? Обессилел кто?
Знаю я: не сегодня, так завтра,
А не завтра, так через сто,

Через двести лет, через триста –
(В смерти верить не перестаю!)
На земле моей будет чисто,
Бог умоет землю мою
[Елагин, 1998, т. 1, с. 169].

Герой Елагина всегда чувствует – и над ним, и над всем человеческим миром «качается» «созвездие Топора», не случайно этот рано найденный образ переплавится впоследствии в название целой книги [Елагин, 1976].

Особо следует сказать о так называемой языковой картине мира И. Елагина – она вся пронизана милитарностью. Метафоры и сравнения, взятые напрокат из военной реальности, но никогда не отданные

обратно, присутствуют почти в каждом стихотворении. Они используются и для описания природы, и для воссоздания душевного состояния лирического героя, и для создания урбанистического пейзажа, и для размышлений о литературе, о судьбе слова и самого поэта:

Как виселицы, замаячат
На перекрестках фонари!.. [Елагин, 1998, т. 1, с. 45].

Прокладывают дворники *траншею*
На противоположной стороне... [Там же, с. 51].

Эти *облитые кровью*
Клены у изголовья!.. [Там же, с. 49].

И *все суставы перебиты*
У городов и деревень... [Там же, с. 79].

Я двигался *под обстрелом*
Витрин, фонарей, реклам... [Там же, с. 246].

...Оттого, что в каминах *пылают дрова,*
Оттого, что *на минах взрывают слова*... [Там же, с. 360].

Полететь мне по свету *осколком,*
Нагуляться мне по миру *власть*
Перед тем, как на русскую *полку*
Мне когда-нибудь *звездно упасть*... [Елагин, 1998, т. 2, с. 17].

Вот мне и стало казаться,
Что стихи мои тоже так,
Как солдаты, четко по плацу
Отбивают за шагом шаг
(выделено мною. – Ю. М.) [Там же, с. 150].

Соединившись с сюжетом репрессий, война в поэзии И. Елагина станет образом тотального насилия, рукотворной смерти. Созданный поэтом лирический мир во многом произведен от войны, зависим от нее даже там, где о войне как таковой не говорится. Лирический герой Елагина – подлинно экзистенциальный герой, который оставлен Богом, который чувствует дыхание вечности, в которую насильно движимы люди. Но эта вечность не благодатна у Елагина, как, например, у Лермонтова или Булгакова, она страшна, «враждебно открыта», ибо искалечена так же, как и земная жизнь, она ничего не сулит, даже успокоения:

Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покоряясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!

[Елагин, 1998, т. 1, с. 135].

В отличие от упомянутых выше прозаических произведений второй волны эмиграции, лирика И. Елагина дает гораздо более общий панорамный взгляд, но при этом гораздо более внутренний, экзистенциальный. И этот ее панорамный взгляд извне и в то же время всегда и всюду изнутри военного мира создает особое напряжение и особый, всегда узнаваемый трагический пафос.

Для эмиграции *третьей волны* тема Великой Отечественной (Второй мировой), конечно, не была центральной, такой, например, животрепещущей, всеобще востребованной, как тема репрессий и лагерей, тема советской действительности и советской идеологии. Определенную роль играла здесь и политическая конъюнктура, с которой уехавшим на Запад писателям приходилось считаться. Однако представители этой эмиграции – писатели разных возрастов, но одинаково сформировавшиеся внутри советской реальности – органично несли в себе память о войне, не могли ее не нести, не могли ничего о ней не сказать. Эта память была разная, у каждого своя: многие из писателей старшего поколения (А. Зиновьев, В. Некрасов, А. Синявский, А. Солженицын, В. Тарсис) воевали, более молодые вобрали в себя военный опыт своих отцов (И. Бродский, Э. Лимонов, А. Назаров, С. Юрьенен), сами ощущали себя детьми военной эпохи (В. Аксёнов, Ю. Алешковский, Г. Владимов, В. Войнович, Ф. Горнштейн, А. Кузнецов, В. Максимов). Отсюда и тот след, который оставила война в произведениях писателей третьей волны – можно назвать немало текстов этих авторов, где прямо или косвенно она присутствует или, по крайней мере, дает о себе знать бытовыми реалиями, семейной памятью, чужими рассказами, полуполюгандарным опытом прошлого, исследованием фактов истории.

Пожалуй, самым известным произведением о Великой Отечественной из всего литературного наследия третьей эмиграции стал роман Г. Владимова «Генерал и его армия», опубликованный сначала в журнале «Знамя» (1994, № 4, 5), а затем (в значительно более полной редакции) вышедший отдельной книгой. На роман последовала лавина откликов, и один из них был особенный – это отзыв В. Богомолова, вписавшего свою страницу в литературно-художественную летопись отечественной военной прозы [Богомолов]. Бывший участник войны, автор «Ивана» и «В августе сорок четвертого» воспринял роман дис-

сидента Г. Владимова, человека, кроме того, не воевавшего, как вызов, брошенный фронтовикам, да и тем русским людям, для кого историческая правда еще не потеряла значения. Острота, сарказм, фактологическая доказательность Богомолова не знают границ. В своей рецензии он дает бой Г. Владимову по всем правилам военного тактического искусства, не только пуская в ход то же самое современное оружие противника (немецкие мемуарные источники), но и действуя на опережение (рассекреченные советские документы, сводки Совинформбюро), применяя секретные способы борьбы (личный человеческий опыт, эмпирические и фактические знания). Последовательно и целенаправленно Богомолов разбивает те мифы, которые создает в своем романе Г. Владимов: командующий немецкой танковой армией Гейнц Гудериан – вовсе не благородный образчик немецкого офицерства, но настоящий «каратель и палач»; А. Власов – не забытый и несчастный герой, а предатель, бросивший свое войско, выдавший немцам огромное количество важных секретных сведений, честолюбец и приспособленец, его участие в остановке немцев под Москвой было минимально уже хотя бы потому, что как раз в эти дни он был тяжело болен и почти не появлялся в штабе своей 20-й армии; советские военачальники отнюдь не были столь кровожадны и глупы, как показано в эпизоде генеральского совета в Спасо-Песковцах; Особые отделы, так называемые отделы «Смерш», не были столь могущественны, а уж такая мелкая сошка, как майор Светлооков, точно никак не мог явиться на совещание генералов незванным гостем. Проницательный и чувствующий стремление своих молодых современников перечитать текст военной истории В. Богомолов был, конечно, поражен романом Владимова. «Правда», написанная по ту сторону границы, на территории бывшего противника, его потрясла своей неправдой.

И все-таки рецензия В. Богомолова резко диссонировала с теми откликами, которые прозвучали по выходу романа Г. Владимова. Российские литературоведы и критики (Л. Аннинский, П. Басинский, Н. Иванова, А. Немзер, М. Нехорошев) были воодушевлены широтой изображения войны и реальности военного времени, силой срывания масок и стереотипов: появление в военной литературе заградотрядов, «Смерша», на расстоянии человеческой досягаемости представленный генералитет, загадочная фигура генерала Власова, постоянные апелляции к немецким свидетельствам, толстовский аналитизм в изображении своих и врагов (Власов, Кобрисов – Гудериан), резкая критика военной стратегии советских генералов (Жуков и Терещенко – мастера «российской четырехслойной» тактики) – все это заставляло волноваться, задумываться и пересматривать многие устоявшиеся взгляды. И это тоже была правда. Тем более что, в отличие от писателей второй волны, Г. Владимов отнюдь не подвергает сомнению главную ценность Отечественной войны – защиту Родины, спасение России, во имя которой поднялась в очередной раз «дубина народной войны», пришедшаяся, увы, на время сталинского правления и эпоху

коммунистической идеологии. Именно в этом, по Владимову, и состоял особый трагизм войны, а также личные трагедии многих и многих ее участников.

Есть в романе конкретные эпизоды, которые можно сопоставить с аналогичными в прозе второй эмиграции. Как и в романе Б. Ширяева «Кудеяров дуб», в романе Г. Владимова изображаются жестокость НКВД, стремление немцев привлечь на административную и культурную работу бывших царских офицеров и не согласных с коммунистическим режимом. Так в потоке сознания Гудериана возникает вдруг эпизод, когда в Орле он «безуспешно приглашал в бургомистры Орла» «старого царского генерала», который отказался от подобной «честь» [Владимов, с. 90]. Отказался потому, что ощущал себя с теми, кто «борется за Россию», а не против нее. Возникает и еще одно воспоминание: его танкисты обнаружили и выставили на всеобщее обозрение трупы расстрелянных при отступлении и эвакуации бывших тюремных узников, но, в отличие от Ширяева, заставившего своих героев ужаснуться в очередной раз советским зверствам, Владимов показывает растерянность Гудериана, который видит ненависть в глазах людей не по отношению к коммунистам, но по отношению к захватчикам, ибо их раны – это только их собственные раны, и «от касания» вражеских рук «боль... только усиливается» [Там же, с. 93].

В целом позиция Г. Владимова в изображении Великой Отечественной войны вполне ясна и однозначна: многие вещи должны быть известны, многие штампы отменены (свободная позиция писателя-эмигранта), но война была Отечественной и несмотря ни на что – священной (позиция воспитанного в патриотическом ключе бывшего советского человека, знающего о войне не понаслышке).

Важное значение в полемическом многоголосии эмигрантской «военной» литературы имеет автобиографическая книга Александра Зиновьева «Русская судьба, исповедь отщепенца». Нельзя сказать, что изображение войны играет в этом автобиографическом и автопсихологическом повествовании самостоятельную роль (одна глава из 13), но в судьбе героя (самого А. Зиновьева) и в динамике постижения им социально-политического устройства советского общества война занимает место исключительное. Не слишком объемная глава с названием «Война» заключает в себе и военную судьбу писателя, и его размышления-умозаключения по поводу многих проблемных узлов, связанных с войной до сих пор. Кроме того, зная А. Зиновьева как писателя и мыслителя, нельзя пренебречь его свидетельством, объективность которого гарантирована тотальной системной оппозиционностью автора.

Прежде всего это, конечно, событийный план, связанный с личной жизнью: вместе со своим кавалерийским полком и Особой дальневосточной Красной армией передислоцированный на Украину А. Зиновьев оказался свидетелем и участником самых первых дней войны, а в 1945-м – самых последних. В этот промежуток времени вошли

отступление с боями до самой Москвы, ранение, бои под Оршей, авиационная школа под Горьким, военная жизнь летчика-истребителя. Уйдя в армию в 1939 г. семнадцатилетним мальчишкой, спасающимся от цепкой хватки НКВД, повествователь вышел из нее сложившимся взрослым человеком со своей системой взглядов и принципов поведения, вышел – чтобы учиться, чтобы осмыслить пережитое и стать самим собой.

Написаны эти военные страницы точным, лаконичным, почти телеграфным языком, исключая не только психологизм, но и вообще детализацию. Зато благодаря философско-логическому складу мышления писателя выделены главные мысли и переживания, которые и сегодня могут расцениваться в качестве человеческого свидетельства. Паника начала войны – да, но об этом сказано, не стоит повторять. Неожиданность нападения Германии – миф, все знали, все готовились, «не знали лишь одного “пустяка”: того, до какой степени мы были не готовы к войне» [Зиновьев, с. 196]. Высшее командование даже в самые критические дни все-таки «думало о том, чтобы начать готовить летчиков для еще не созданной новой авиации» [Там же, с. 203]. Никто из воевавших даже в самые трагические первые месяцы не сомневался в будущей победе. Что такое война? «Это на пять процентов сражения и на девяносто пять процентов – всякого рода передвижения и работы» [Там же]. Время службы в авиации автор называет «одним из самых лучших» в своей жизни [Там же, с. 214]. Германия «ошеломила... своим сказочным богатством», и, «как мыльный пузырь, лопнул образ капиталистических стран, создававшийся советской идеологией и пропагандой» [Там же, с. 219]. «Оргия» посылок в Советский Союз и «обарахления» – да, была, хоть «грабежом Германии занималось меньшинство» [Там же, с. 220]. Но расхожее на Западе мнение, «будто Советская армия насильствовала немецких женщин», абсурд:

Германия поразила нас... обилием общедоступных женщин. <...> Когда мы вошли в Германию, немецкие женщины уже почти все были изнасилованы, если они вообще оказывали сопротивление. И почти все были заражены венерическими болезнями. В нашей армии за изнасилование судили военным трибуналом, а заболевших венерическими болезнями отправляли куда-то на принудительное лечение [Зиновьев, с. 221–222].

Кроме того, заключительные параграфы главы «Война» содержат выводы и наблюдения исторического и социального масштаба, которые поражают и сегодня актуальностью и личной смелостью автора, отсутствием какого бы то ни было стремления подольститься к Западу, а с другой стороны, к меняющейся российской конъюнктуре:

Приходилось вести сотни разговоров на темы прошлой войны с западными людьми самых разных категорий и национальностей. Я был поражен тем, как мало эти люди знали о войне и как извращенно они ее оценивали. Я не хочу сказать, что все люди на Западе таковы. <...>

Я здесь имею в виду состояние массового сознания, причем в той мере, как мне это удалось заметить. Характерным для него, на мой взгляд, является игнорирование социальной сущности войны, искажение роли западных стран, недооценка роли Советского Союза и его армии, переоценка интеллекта западных политиков и вклада западных стран в разгром Германии [Там же, с. 228].

В этих выводах, как ни парадоксально, есть много общего с выводами Г. Газданова из его документальной повести «На французской земле» и, конечно, содержится невольный ответ многим авторам второй волны эмиграции.

«Величайшее заблуждение полагать, что прошлого больше нет. Прошлое все еще существует», – писал в предвоенные годы австрийский философ Отмар Шпанн [Шпанн, с. 41]. Фразу эту хочется повторять, когда речь заходит о Второй мировой и Отечественной войне сегодня. Применительно к литературе, написанной русскими писателями-эмигрантами с их сложнейшими и причудливейшими судьбами, эта фраза звучит даже не метафорически, ибо прошлое многих из них для нас только начинает существовать, только начинает учитываться и включаться в тот громадный культурно-семиотический континуум, который, безусловно, содержит объективное знание о мире и о войне.

Список литературы

- Андреев В. Л.* Дикое поле. М. : Сов. писатель, 1966. 392 с.
Андреев Г. (Хомяков). Минометчики // Новый журнал. 1975. № 119, 120; 1976. № 122, 123, 125; 1977. № 126, 127, 128; 1978. № 131, 133.
Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции: биобиблиографич. очерки. М. : Пашков дом, 2005. 448 с.
Богомолов В. О. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия // Книжное обозрение. 1995. № 19.
Варшавский В. С. Семь лет : повесть. Париж, 1950. 301 с.
Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956. 384 с.
Васильева М. А. О военной прозе Владимира Варшавского // Ежегодник Дома русского зарубежья – 2014/2015. Вып. 5. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 206–218.
Владимов Г. Н. Генерал и его армия : роман. М. : Олимп ; АСТ, 2001. 464 с.
Газданов Г. На французской земле // Газданов Г. Собр. соч. : в 3 т. М. : Согласие, 1996. Т. 3. С. 675–774.
Ежегодник Дома русского зарубежья – 2014/2015. Вып. 5. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015.
Елагин И. Собрание сочинений : в 2 т. / сост. Е. Витковского. М. : Согласие, 1998.
Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М. : Центрполиграф, 1999. 506 с.
Между Россией и Сталиным : Российская эмиграция и Вторая мировая война / под ред. С. В. Карпенко. М. : РГГУ, 2004. 346 с.
Поэты на фронте. Шанхай : Эпоха, 1943.
Ржевский Л. Д. Национальная культура и эмиграция. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1952.
Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М. : TerraСпорт, 2000. 640 с.
Синкевич В. Пилатов грех // Новый журнал. 1993. № 190–191.
Синкевич В. Леонид Ржевский – писатель и человек // Ржевский Л. Д. Между двух звезд. М. : TerraСпорт, 2000. С. 5–20.

- Софиев Ю. Синий дым : стихи и проза. Алматы, 2013. 244 с.
- Талалай М. Г. Итальянский кукольник, он же русский изгнанник // Ширяев Б. Н. Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. СПб. : Алетейя, 2007. С. 5–10.
- Ширяев Б. Н. Кудеяров дуб : повесть. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1958. 190 с.
- Шпанн О. Философия истории / пер с нем. К. В. Лоцевского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 485 с.
- Gorboff M. Entre Hitler et Stalin // Gorboff M. La russie fantome. Lausanne, 1995. P. 159–266.

References

- Andreev, V. L. (1966). *Dikoe pole* [Wild Field]. 392 p. Moscow, Sovetsky Pisatel'.
- Andreev, G. (Khomyakov) (1975, 1976, 1977, 1978). *Minometchiki* [Mortar Men]. In *Novyy zhurnal*, 119, 120, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 131, 133.
- Babicheva, M. E. (2005). *Pisateli vtoroy volny russkoy emigratsii: biobibliograficheskie ocherki* [Writers of the Second Wave of Russian Emigration: Bibliographic Essays]. 448 p. Moscow, Pashkov dom.
- Bogomolov, V. O. (1995). *Sram imut i zhivye, i mertvye, i Rossiya* [The Living, the Dead and Russia Itself Are Ashamed]. In *Knizhnoe obozrenie*, 19.
- Ezhгодnik Doma russkogo zarubezh'ya – 2014/2015* [The Yearbook of the House of Russian Abroad]. (2015). Iss. 5. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna.
- Elagin, I. & Vitkovsky, E. (Comp.). (1998). *Sobranie sochineny: V 2 t.* [Collected Works: 2 Vols.]. Vols. 1–2. Moscow, Soglasie.
- Gazdanov, G. (1996). *Na frantsuzskoy zemle* [On the French Soil]. In Gazdanov, G. *Sobranie sochineny: V 3 t.* Vol. 3, pp. 675–774. Moscow, Soglasie.
- Gorboff, M. (1995). Entre Hitler et Stalin. In Gorboff, M. *La russie fantome* (pp. 159–266). Lausanne, Soisse.
- Karpenko, S. V. (Ed.). (2004). *Mezhdru Rossiey i Stalinyim : Rossiyskaya emigratsiya i Vtoraya mirovaya voyna* [Between Russia and Stalin. Russian Emigration and World War II]. 346 p. Moscow, RGGU.
- Poety na fronte* [Poets at the Front]. (1943). Shanghai, Epokha
- Rzhevsky, L. D. (1952). *Natsional'naya kul'tura i emigratsiya* [National Culture and Emigration]. Frankfurt am Main, Posev.
- Rzhevsky, L. D. (2000). *Mezhdru dvukh zvezd* [Between Two Stars]. 640 p. Moscow, Terra. Sport.
- Shiryaev, B. N. (1958). *Kudeyarov dub: Povest'* [Kudeyarov Oak]. 190 p. Frankfurt am Main, Posev.
- Shpann, O. & Loshchovsky, K. V. (Transl.). (2005). *Filosofiya istorii* [The Philosophy of History]. 485 p. Sankt Petersburg.
- Sinkevich, V. (1993). *Pilatov grekh* [Pilate's Sin]. In *Novyy zhurnal*, 190–191.
- Sinkevich, V. (2000). *Leonid Rzhevsky – pisatel' i chelovek* [Leonid Rzhevsky – A Writer and a Man]. In Rzhevsky, L. D. *Mezhdru dvukh zvezd* (pp. 5–20). Moscow, Terra. Sport.
- Sofiev, Yu. (2013). *Siniy dym. Stikhi i proza* [Blue Smoke: Poems and Prose]. 244 p. Almaty.
- Talalay, M. G. (2007). *Ital'yansky kukol'nik, on zhe russky izgnannik* [The Italian Puppeteer, also a Russian Exile]. In Shiryaev, B. N. *Di-Pi v Italii: Zapiski prodavitsa kukol* (pp. 5–10). Sankt Petersburg, Aleteyya.
- Varshavsky, V. S. (1950). *Sem' let. Povest'* [Seven Years. A Story]. 301 p. Parizh.
- Varshavsky, V. S. (1956). *Nezamechennoe pokolenie* [The Unnoticed Generation]. 384 p. New York, Izdatelstvo imeni Chekhova.
- Vasil'eva, M. A. (2015). *O voennoy proze Vladimira Varshavskogo* [On Vladimir Varshavsky's Military Prose]. In *Ezhгодnik Doma russkogo zarubezh'ya – 2014/2015*. Iss. 5, pp. 206–218. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna.
- Vladimov, G. N. (2001). *General i ego armiya: Roman* [The General and His Army: A Novel]. 464 p. Moscow, Olimp, AST.
- Zinov'ev, A. A. (1999). *Russkaya sud'ba, ispoved' otshchepentsa* [Russian Fate, a Renegade's Confession]. 506 p. Moscow, Tsentrpoligraf.

The article was submitted on 22.04.2016